

© 1996 г.

QUO VADIS? (БЕСЕДА УЧЕНЫХ О СУДЬБАХ РОССИЙСКОЙ НАУКИ)

Специально для программы "Контакты" радиостанции "Свобода" четверо российских ученых поделились своим мнением о положении отечественной науки и научных сотрудников в рамках Академии наук. Тема, как известно, острая и дебатруется в научных кругах. Поводом для такой беседы с ведущей и автором программы "Контакты" **Инной Светловой** послужило письмо академика **Михаила Григорьевича Воронкова**, полученное радиостанцией. В беседе, которая состоялась в сентябре 1995 г., приняли участие: академик РАН, генеральный директор объединенного Института химической физики **Виталий Иосифович Гольданский**, член-корреспондент РАН, президент Российской ассоциации политических наук **Анатолий Васильевич Дмитриев**, член-корреспондент РАН, начальник Департамента науки и образования аппарата Правительства РФ **Михаил Петрович Кирпичников**, редактор отдела экономики журнала "Огонек", соискатель Института государства и права РАН **Андрей Владимирович Колесников**. Публикуя содержание беседы, редакция надеется, что проблемы, затронутые в ней, нуждаются не только в дальнейшем обсуждении, но и исследовании, а главное - в действиях российской научной общественности.

Ведущая программы "Контакты": В начале нашего разговора я процитирую несколько строк из письма академика М.Г. Воронкова. Он пишет: «Удивляет отсутствие в вашей программе "Контакты" рассмотрения ужасного, катастрофического положения российской фундаментальной и прикладной науки. А ведь от состояния научно-технического прогресса зависит все будущее государства. Надеюсь, что это письмо побудит Вас посвятить одну из передач "Контакты" бедственному положению российской науки». Михаил Григорьевич, должна признаться, абсолютно прав. Действительно, за шесть лет передачи "Контакты" мы ни разу не говорили на тему, которую он предлагает. Попробуем сегодня восполнить пробел.

Итак, Михаил Григорьевич говорит в своем письме о катастрофическом положении российской науки. Более того, в газете "Наука Сибири" в ноябре 1992 года он писал: "Порою мной овладевает отчаяние. Не потому, что мой должностной оклад стал ниже, чем у столяра или слесаря средней руки или даже у грузчика. И не потому, что повседневный рацион моей семьи стал весьма скудным и однообразным. И не оттого, что мой гардероб заметно обветшал, а на обновление его не хватает средств. Мое сердце обливается кровью потому, что гибнет наша российская наука. Гибнет наука, подарившая человечеству закон сохранения материи и периодическую систему химических элементов, радио и квантовый генератор, теорию цепных реакций и явлений сверхтекучести. Разумеется, это лишь единичные примеры". Ясно, что академик Воронков затронул сразу несколько проблем: состояние науки в целом и положение академика, в частности. Но это, конечно, единый комплекс проблем, которые, вероятно, типичны не только в случае академика Воронкова и не только иркутского Института органической химии, где он работает. Или, может быть, я не права, обобщая его оценки, и все вовсе не так уж драматично, как пишет наш слушатель? Анатолий Васильевич, что бы Вы сказали?

А.В. Дмитриев: Во многом г-н Воронков прав. Да, положение науки тяжелое. Стоит отметить, что в Академии наук в 3 раза сократились доходы научных сотрудников за последние несколько лет. Резко сократилось число публикаций научных работ. Академия наук почти прекратила покупку зарубежных изданий. Кроме того, положение усугубляется тем, что даже те деньги, которые нам выделяются, вовремя не поступают. За прошлый год, например, Российская Академия наук была профинансирована только на 70% в соответствии с планом. Но я не стану считать, что это - катастрофа. Да, много молодежи ушло из Академии наук, однако все же большинство осталось. В аспирантуру сейчас конкурса практически нет, и все же она

существует. Мне кажется, что несмотря на тяжелое положение, преждевременно спешить с категорическими оценками.

Ведущая: Напомню, в конце марта этого года состоялось годовое общее собрание Российской Академии наук. Вот цитата из вступительного слова Президента РАН Осипова. "Минувший 1994 год, — говорил он, — был для РАН годом борьбы и напряженных ожиданий, несбывшихся надежд и продолжающихся негативных явлений в российской науке, отражающих глубокий социально-экономический кризис в стране". И далее - катастрофа в цифрах, то, о чем Вы, Анатолий Васильевич, сейчас говорили. Академия в целом должна была получить 648 млрд. рублей, однако ей было выделено реально лишь 3/4 суммы, констатирует Осипов. Думаю, нет оснований полагать, что финансовое положение РАН в 1995 году улучшится. И вот вопрос: почему все-таки никто, даже правительство, не заинтересованы в том, чтобы поддержать российскую науку?

М.П. Кирпичников: Говоря о кризисе в российской науке, я согласился бы с Анатолием Васильевичем. Не буду повторять то, что он говорил. Единственное, что бы хотел добавить - о материальном положении ученых. По-моему, здесь нужно расставить некоторые акценты. Во-первых, люди науки, которые занимаются только наукой, порой действительно находятся в бедственном положении. Однако сегодня молодые люди, которые вовлечены в бизнес, часто связанный с их наукой, порой получают значительно больше, чем академики. Таковы реалии переходного периода, к сожалению. Во-вторых, трудно верить статистике при оценке реальных доходов. Она не учитывает гранты российских и международных фондов поддержки науки. В ведущих научно-исследовательских институтах доля грантов в доходах сотрудников весьма существенна. Ясно, что людям пожилым (наша наука, к сожалению, "постарела"), заслуженным, порой возглавляющим школы, это не всегда доступно. Такова ситуация. Теперь о цифрах, борьбе, я имею в виду выступление Президента РАН акад. Ю.С. Осипова. Да, наверное, это все правильно. Но чем, мне кажется, был характерен 1994 год? Все-таки в 1994 году начало формироваться некое, в хорошем смысле слова, научное лобби, чего не было до того. Это позволило изменить и во властных структурах, и в обществе в целом отношение к науке. Очень хотелось бы, чтобы в 1995 году при всех негативных тенденциях в сфере науки это достижение сохранилось. Теперь по вопросу о финансировании. Это самый больной вопрос и очень непростой. Наука, и это главное, с чего надо начинать оценку ситуации, незамкнутая система. Она целиком зависит от экономической ситуации в целом. В переходный период это особенно сказывается. Почему? Фундаментальная наука во всем мире, в любом обществе должна финансироваться из бюджета, и это забота государства. Что же касается прикладной науки, то, вообще говоря, в развитой рыночной экономике прикладную науку фактически полностью содержит развитая рыночная инфраструктура, куда входят промышленная, банковская структуры. Общество заботится лишь о том, чтобы субъектам рыночной инфраструктуры было выгодно вкладывать средства в прикладную науку. Ситуация переходного периода характерна тем, что еще не сложилась рыночная инфраструктура, как ее банковский, так и промышленный элементы. Значит, получается, что государство должно в данный период заботиться не только о фундаментальной науке (это постоянная забота государства, она должна быть в любой ситуации), но и непосредственно выделять средства для прикладной науки. В связи с этим часто вспоминаю слова моего учителя академика Александра Александровича Баева. Он говорил: "Есть наука хорошая и плохая, а не прикладная и фундаментальная". Действительно, в обществе, когда за все платит налогоплательщик, порой трудно провести границу между прикладной и фундаментальной наукой. Принципиальная разница появляется лишь в рыночной экономике. Прикладная - это та наука, которая способна сама себя окупать.

Ведущая: Спасибо, Михаил Петрович. Дело не только в том, что прикладная наука должна сама себя окупать. В какой-то степени она должна еще привыкнуть к этому. Не секрет, что она была буквально избалована, кстати, и наука вообще в России. Если прав наш слушатель академик Воронков, который пишет: "Семь десятилетий советское государство уделяло науке огромное внимание. Руководство страны хорошо понимало, что на достижениях науки зиждется благополучие, технический прогресс обороноспособность государства". Ну, конечно, тут сразу же возникает вопрос: действительно ли государство так лелеяло науку и уделяло ей огромное внимание семь десятилетий или просто расчетливо пользовалось ею, хотя бы ради той же самой обороноспособности? Вопрос к Вам, Виталий Иосифович. Во-первых,

согласны ли Вы с тем, что существует фундаментальная и прикладная, или хорошая и плохая наука? И второе - действительно ли советское государство уделяло науке такое внимание, как пишет академик Воронков?

В.И. Гольданский: Прежде всего хочу сказать, что для меня приятным сюрпризом явилось то, что мы отвечаем на письмо академика Воронкова. Ведь он мой друг с 1939 года, мы оба были тогда в Ленинградском университете. Согласен с тем, что действительно есть хорошая наука и есть плохая наука. Пожалуй, труднее применить такого рода классификацию для фундаментальной науки. Потому что фундаментальная наука может быть только хорошей; если она плохая, то вряд ли заслуживает названия фундаментальной. А вот прикладная наука, конечно, была и есть и хорошая, и плохая. Думаю, что каждый из наших научных работников может назвать примеры даже чисто очковтирательской деятельности в области прикладной науки. Теперь перейду к зачитанным строчкам из письма Михаила Григорьевича Воронкова. Действительно верно, что науке уделялось очень большое внимание почти с первых лет советской власти, с 1918 года. Конечно, был при этом особый интерес. У Салтыкова-Щедрина есть такая короткая заметка: "Проект неформирования академии". Там говорится о том, что самое лучшее было бы, наверное, ее вовсе упразднить. Но чтобы баталии супротив неприятеля претерпеть, приходится кое-что делать для поддержания науки. Этот интерес играл большую роль. Но не только он. Давайте обратимся к такому критерию достижения в области фундаментальной науки как Нобелевские премии. Известно, что, скажем, американцы получили более сотни нобелевских премий по физике, по химии, по биологии, тогда как наши советские ученые получили всего шесть таких премий. Пять из них были получены за военные годы. И лишь одна из них - за работу, выполненную в самом начале 50-х годов. Ни одна более поздняя наша работа Нобелевской премии не получила. Это связано как раз с тем, что в довоенные годы наука пользовалась действительно очень большим и, я бы сказал, бескорыстным вниманием со стороны наших властей.

Ведущая: Виталий Иосифович, а чем Вы можете объяснить этот спад интереса властей после войны к науке?

В.И. Гольданский: Это отнюдь не был спад интереса, но такой тренд от интереса к науке как таковой, фундаментальной науке, со взглядом в далекое будущее, к интересу будничному, сегодняшнему, к интересу в том, чтобы наука дала немедленно какие-то результаты, применимые и в промышленности, и в сельском хозяйстве (вспомним Лысенко, который именно на этом и достиг своей "славы"), и, конечно, в военных делах. Вот это смещение от интересов с дальним прицелом к интересам сего дня и привело к тому, что фундаментальной науке как таковой стало уделяться меньше внимания. Вместе с тем почти в каждом постановлении правительства ставились те или иные задачи перед министерствами промышленности, сельского хозяйства; в закрытых каких-то распоряжениях — перед министерствами оборонного профиля. Почти всегда среди организаций и ведомств, министерств, которые отвечали за исполнение поручений перед государством, числилась Академия наук. То есть постепенно Академия наук превращалась в своего рода министерство, которое должно было обеспечивать сегодняшние интересы государства.

Ведущая: Вы говорите, что наука превратилась в нечто вроде министерства. Кажется, что науке будет очень трудно сегодня приспособливаться к новым условиям, к новым реалиям, и это займет, конечно, больше времени, чем последние четыре года. Вы отметили также, что произошло определенное смещение интересов в послевоенные годы, направившее науку в сторону военных дел. И я вспомнила, что академик Воронков пишет так: "Руководство страны хорошо понимало, что на достижениях науки зиждется среди прочего и обороноспособность страны. В военной области следует любой ценой сохранить те позиции, где мы стоим наравне с США или даже опережаем их. Сокращать можно серийно выпускаемую военную технику, сокращать вал — пожалуйста, но останавливать разработки передовых технологий нельзя". Андрей Петрович Колесников, Ваше мнение?

А .В. Колесников: Поделюсь личным впечатлением от недавнего своего интервью с одним из практикующих самолетостроителей. Не буду называть его имени без его согласия. Он говорил о том, что технический потенциал, скажем, парк самолетов, действительно, изношен, КБ России работают на полную

мощность. Есть фантастическая жизнь и есть реальная жизнь. Сейчас реальная жизнь - такого количества КБ не нужно. Не нужно такого количества боевой авиации. Государство все равно не может обеспечить инвестиции в отраслевые науки. Поэтому нужно строить научно-техническую политику так, чтобы она соответствовала рыночным реалиям. С другой стороны, сегодня говорить о высоком научно-техническом потенциале следует осторожно. В той же самой самолетостроительной промышленности, например. Когда одному КБ заказали хвостовое оперение для французских "Фальконе", КБ не справилось с задачей. Не говорю сейчас о причинах, возможно, это связано с тем, что 1990-1993 годы были потеряны для науки. На мой взгляд, не все так просто.

Ведущая: Все действительно непросто. Российской науке будет очень трудно приспособиться к новой экономической и социальной среде. Российская академия наук все еще, вероятно, не осознает необходимости адаптации к новым реалиям. Если Виталий Иосифович вспомнил проект реформирования науки - науку упразднить, то мне вспоминается балтийский вариант. В Прибалтике вопрос решили радикально. Там Академию наук просто ликвидировали. Как вы, Анатолий Васильевич, думаете, это путь для России? Может быть, нужно действительно Академию и впрямь ликвидировать?

А.В. Дмитриев: Академия наук нужна. Исторически так сложилось (я не знаю, как в Прибалтике и других странах), что со времени Петра I, Ломоносова основная научная элита сосредоточена в Академии наук. И так продолжается вплоть до сего дня. Если, скажем, в Прибалтике исследования на том уровне, который свойственен уровню прибалтийских стран, могут проводить ученые университетов (это, конечно, мое субъективное мнение), то в России университеты и другие вузы не могут осуществлять масштабные фундаментальные исследования, которые проводятся ныне в Академии наук - с ее сложившимися научными кадрами, с ее структурами (институты, лаборатории, обсерватории, центры). Поэтому мне кажется, что сейчас ставить вопрос о закрытии или коренном сокращении Академии наук было бы явно антигосударственной затеей. Здесь нужна медленная трансформация. Конечно, Академия наук, с моей точки зрения, - это очень большая организация, поэтому некоторые институты можно объединить, какие-то исследования приостановить, а какие-то, напротив, развивать на базе финансирования отдельных проектов. Именно через наиболее значимые для фундаментальной науки направления и может финансироваться эта сфера. А Академия наук в нынешнем составе, конечно, довольно неподвижное образование. Отвергая решительно тезис о закрытии Академии наук или резком сокращении, я все-таки полагаю, что под давлением обстоятельств наука будет сама трансформироваться. Мы говорили о тяжелом материальном положении Академии наук. Но это положение отчасти трансформируется. Ряд институтов вынужден сокращать свои штаты, сдавать в аренду часть помещений. Идет приспособление на личностном уровне. Многие, например, где-то преподают, берут заказы. На те суммы, которые сейчас выплачивают в Академии, не проживешь. Трансформация в Академии происходит с неизбежными издержками. Но будущее Российской Академии наук я вижу в оптимистических тонах.

Ведущая: Михаил Петрович, Ваше мнение: нужна Академия наук или не нужна? Может быть, не прибалтийский вариант, может быть, чешский вариант, где институты имеют статус академический, но должны сами себя финансировать и работают по контрактам. Что выбрать?

М.П. Кирпичников: Однозначно считаю, разрушение (в любом виде) Российской Академии наук было бы катастрофой, и не только для российской, но и для мировой науки. Причины Анатолий Васильевич изложил уже достаточно ясно. Это прежде всего традиции России. Лучшая часть фундаментальной науки всегда была сосредоточена в Российской Академии наук. Однако сейчас, по моему, без решительных мер можно попасть в еще более тяжелое положение. И это дело самой Академии. Правительство должно принять участие в определении "правил игры". Этим я, пожалуй, ограничусь. Конкретные механизмы - длинный специальный разговор.

Ведущая: Михаил Петрович, к конкретным механизмам мы, конечно, вернемся, сейчас у меня другой вопрос. Вы говорите: не правительство, но министерство — сама Академия должна решать, каков путь приспособления к реальности. Но чем Вы объясните конфликт, причем уже затяжной между министром науки и Президентом

Российской Академии наук? В чем же разногласия?

М.П. Кирпичников: Я бы не драматизировал здесь ситуацию и, вообще говоря, если действительно попытаться понять, что там происходит, наверное, лучше задать вопрос Юрию Сергеевичу Осипову и Борису Георгиевичу Салтыкову. Что же касается меня, я считаю, что расхождения, с одной стороны, всегда могут быть между двумя мыслящими людьми, а с другой стороны, в качестве позитивного элемента я отметил бы формирование в последнее время общей позиции по ключевым вопросам и, как следствие, единого научного лобби в стране, что позволяет менять отношение к науке.

Ведущая: Михаил Петрович уже второй раз говорит о научно-техническом лобби в стране. А Вы, Андрей Владимирович, согласны с тем, что существует такое лобби? "Лобби" - слишком популярное сегодня в России слово.

А.В. Колесников: За каждым лобби стоит определенный экономический интерес, и этот экономический интерес, как правило, сводится к получению либо государственных денег, либо денег негосударственных. На самом деле научно-технического лобби как такового не существует. Если это лобби ВПК - это не чисто научно-техническое, это лобби людей, заинтересованных в экспорте своей продукции. То есть здесь больше играют роль какие-то экономические мотивы.

Ведущая: Виталий Иосифович, мы уже неоднократно упоминали о том, что многие ученые уходят из науки. Они ищут заработка. Материальное положение ученых сегодня униженное, нужно чем-то кормить семью. Многие ушли из науки, но только из российской, живут и работают где-то на Западе. Эта утечка мозгов очень заботит их бывших коллег. Конечно, и министерство науки, по крайней мере, должно волноваться, естественно, должно задуматься: только ли за колбасой бегут ученые, велика ли их возможность реализовать там себя, вести научную работу? Как Вы считаете, зачем и почему бегут из российской науки? И второе, предположим, ученый ушел и трудится на пользу науки, ну, если не отечественной, то мировой, и только на пользу. Тем не менее мы часто вздрагиваем от сообщений о том, что то тут, то там возникают какие-то торговцы от науки. И они торгуют не исследованиями жизни бабочек, а ураном, скажем, и тому подобным. Как такое возможно? Я сейчас Вас спрашиваю не о моральной стороне дела, а о практической - как вообще такое возможно?

В.И. Гольданский: Действительно имеет место то, что называется "утечка мозгов". Причем в разных специальностях это проявляется в разной степени. Сейчас, когда бываешь за границей, встречаешь просто огромное число людей, знакомых тебе по предыдущим годам работы в нашей стране, на родине. Это в первую очередь относится и к теоретической физике, и к математике, и к химической физике, а в последнее время, я бы сказал, к области биологии и биофизики. Но это только один канал утечки мозгов. Здесь я признаю как мотив не только материальные моменты, но и стремление утвердить себя как ученого или закрепить свое положение, свою репутацию ученого. Особенно в тех случаях, когда требуется соответствующее оборудование для работы. Но есть и другой канал - это уход в коммерческие структуры. И вот здесь уже, конечно, в первую очередь речь идет о том, чтобы улучшить свое материальное положение. Мне часто это напоминает известное библейское сказание о том, как было продано первородство за чечевичную похлебку. Такой канал утечки мозгов не вызывает у меня ни сочувствия, ни уважения. Что касается разработок в атомной области, я не думаю, что в этой области существует заметная утечка мозгов. Я не знаю во всяком случае конкретных примеров, чтобы люди, которые работали или в чисто военной области, или в близкой к ней области, покидали нашу страну. Имеются сообщения о так называемой контрабанде ядерных материалов и, в частности, о том, что 300 г плутония было найдено германскими службами безопасности. Я не исключаю того, что подчас такие сообщения имеют провокационный характер. Но я предлагал в прошлом году на международном форуме представителей практически всех ведущих академий наук ввести своеобразную ядерную дактилоскопию, отпечатки ядерных "пальцев". То есть нужно собрать у всех лабораторий, у всех центров, где производится ядерное горючее, какие-то микрообразцы их продукции. И если все эти микрообразцы будут находиться в распоряжении Международного агентства по атомной энергии, то это и будет своего рода отпечатки пальцев. Мизерные различия в технологиях приводят к различиям и изотопного состава, и химического состава этих образцов. И любая контрабанда тогда может быть идентифицирована по месту источника.

Это встретило интерес. Почти одновременно в Америке, в одной из ведущих ядерных лабораторий, было выдвинуто такое предложение. В ноябре прошлого года оно обсуждалось на совещании Международного агентства по атомной энергии. Я надеюсь, что это рано или поздно будет осуществлено. Здесь наибольшая, пожалуй, трудность состоит в том, чтобы лаборатории, которые занимаются производством оружейного плутония, высокообогащенного урана и т.п., предоставили эти образцы. Дело нелегкое; может быть, небезосновательно считают ведущие сотрудники лабораторий, что такая акция раскроет технологические секреты. Думаю, это будет раскрытием не только их секретов, но и секрета их личности как ученых.

Ведущая: Анатолий Васильевич, уход в коммерческие структуры не вызывает у Виталия Иосифовича ни сочувствия, ни уважения. Это очень строго. Может быть, Вы мягче к этому относитесь?

А.В. Дмитриев: Если Вы не против, я об одном случае расскажу. Как-то электрик пришел исправить проводку в доме научного сотрудника и попросил после окончания работы 50 долларов. "Это же моя месячная зарплата", - сказал научный сотрудник, хозяин дома. "Да, я знаю, - сказал электрик, - я сам был научным сотрудником". На Ваш вопрос не может быть однозначного ответа. Здесь есть предмет для конкретных исследований. Мне кажется, сколько научных сотрудников, столько и мнений по этому поводу. Но Вы задали интересный также вопрос об академическом лобби. Конечно, хотелось бы, чтобы это лобби в правительстве было сильным. К сожалению, сейчас оно довольно слабое, на мой взгляд. И, пользуясь случаем, могут предложить Борису Георгиевичу Салтыкову, нашему уважаемому министру науки, по утрам побольше пить кофе. Побольше, побольше кофе. Уж очень робко и разрозненно, иногда даже сонно научное сообщество отстаивает свои интересы. Посмотрите, как другие в правительстве лоббисты действуют. В будущем, когда общество осознает пользу науки, думаю, это лобби будет более крепким.

Ведущая: Анатолий Васильевич, как я понимаю, Вы к конфликту между министром науки и Российской Академией наук относитесь более серьезно. Вопрос ведь в том, можно ли сегодня, в нынешней ситуации, в которой находится наука, позволить себе такой конфликт вообще?

А.В. Дмитриев: Вы правы, и этот конфликт, видимо, сейчас угас. Расходятся частные интересы разных организаций - медведей в одной берлоге. Я бы не стал преувеличивать этот конфликт. Речь идет о финансировании: Академию финансировать "красной строкой" или в рамках министерства науки. Если всех профинансировать по потребностям, не будет этого конфликта.

Ведущая: Хорошо, если обеспечат деньгами, Михаил Петрович, деньги - это и есть одна из конкретных мер отношения к науке, которые Вы имели в виду?

М.П. Кирпичников: Наверное, Вы правы. Знаете, я бы хотел все-таки сначала поговорить о моральных, или настроенческих факторах. Может быть, уйдем от слова "лобби" и будем говорить о защите интересов науки. Я хотел бы сказать, что в этом году состоялось два знаменательных события. Создан Президентский консультативный совет по вопросам науки и научно-технической политике, возглавляемый Борисом Николаевичем Ельциным. Я не очень люблю слово "лично", но в данном случае я подчеркиваю - возглавляемый лично им. Создана Правительственная комиссия по научно-технической политике, координационная комиссия, которая должна координировать деятельность всех субъектов, которые так или иначе вовлечены в научно-техническую сферу. Это и Академия, это и Министерство науки, это множество других министерств: Минатом, Гособоронпром и т.д. И эту комиссию возглавляет В.С. Черномырдин. Сам по себе факт наличия таких двух органов, возглавляемых авторитетнейшими руководителями страны, все-таки говорит о том, что отношение к науке меняется. Теперь к деньгам. Я думаю, что это следствие первого шага - изменения отношения. Все-таки наконец-то вслух сказано в этом году и закреплено постановлением правительства, что ассигнования в 1996 году по статье "Наука" составят 3% расходной части бюджета. В результате таких решений при формировании бюджета сегодня цифра, которая запланирована на 1996 год, приближается к 11 триллионам рублей при бюджете 1995 года 6 триллионов рублей.

Ведущая: Спасибо, Михаил Петрович. Виталий Иосифович, вот то, что мы сейчас слышали - и деньги, и отношение к науке, образование комиссий при президенте и проч. и проч. - все это вселяет в Вас оптимизм в отношении будущего российской науки?

В.И. Гольданский: В определенной мере - да. Вообще я очень хотел бы быть оптимистом и хотел бы иметь как можно больше поводов для оптимизма. Поэтому каждое такое сообщение, конечно, очень приятно обнадеживает.

Ведущая: Анатолий Васильевич, Вы чуть ранее сказали, что Вы оптимистичны в отношении будущего российской науки. Могли бы Вы сейчас обосновать свой оптимизм?

А.В. Дмитриев: Дело в том, что кроме некоторых положительных изменений внутри Академии наук (сотрудники начинают активно работать, ищут дополнительные заказы, как-то приспосабливаются к рынку) нельзя забывать о множестве других научных учреждений вне Академии. Я связан с Московским и Санкт-Петербургским университетами. И, если говорить о гуманитарных специальностях, то там отмечается бурное развитие. Гуманитарные науки сейчас не сдерживаются никакими идеологическими препонами. Главное для их представителей найти деньги, провести исследование, и это исследование чаще всего бывает абсолютно независимым. Для обществоведов это очень и очень важно. Заметьте, что среди потока эмигрантов на Запад - в Европу и Америку - обществоведов не так уж много, это в основном представители научно-технических специальностей. Обществоведы умудряются каким-то образом находить свое место здесь. По издательству "Наука", например, сейчас наибольший объем изданий приходится на обществоведов, в частности, на институты отделения философии, социологии, психологии и права и на другие гуманитарные институты. Обществоведы некоторым образом приспособились. Поэтому я в общем-то и оптимистичен. Мне кажется, что если государство в целом, наше российское общество преодолеют общесистемный кризис, который нам все обещают вот-вот преодолеть, то соответственно и у науки пойдут лучше дела. И катастрофы, конечно, нет, и я убежден, что ее не будет.

Ведущая: Спасибо, Анатолий Васильевич. Андрей Владимирович, высказаны три мнения о будущем российской науки, а Вы разделяете оптимизм?

А.П. Колесников: В принципе — да. Если речь идет о научно-технических отраслях, то естественно было бы рассчитывать на государственную помощь, тут уже никуда не денешься. Другое дело, что государственная помощь должна быть точечной, как уже было сказано, касаться того, что имеет смысл финансировать. На мой взгляд, степень спроса на гуманитариев сейчас высокая. Скажем, ученые-юристы. Я знаю мало ученых-юристов, серьезных ученых-юристов, которые не были бы востребованы в законодательном процессе. И это касается любых отраслей права. У социологов примерно такая же картина. Другое дело, есть опасность политической ангажированности гуманитариев. Недавно мне один директор одного из экономических институтов сказал, что все расчеты, которые будут производиться под выборы (с осени и до конца декабря), нужно принимать лишь с некоторыми допущениями, потому что каждый из них содержит определенный социальный заказ. Будь то заказ левых сил, правых сил, центристских сил. У каждого политика свое видение ситуации и каждый заказывает ту музыку, которую ему приятно услышать перед выборами. Это в меньшей степени, конечно, касается, скажем, юристов. Но экономисты, и особенно социологи, сейчас готовы, используя разные методики, подстраиваться под политическую задачу. Это один из серьезных подводных камней, которые ожидают, наверно, нашу науку в ближайшем будущем.

Ведущая: Михаил Петрович, то, о чем сейчас говорил Андрей Владимирович, - действительно очень опасный подводный камень? Как Вы думаете, если извлекать уроки из истории, можно, наверно, отделить науку от политики? Удастся ли это сделать?

М.П. Кирпичников: Вы, наверно, имеете в виду, так же, как и г-н Колесников, то, что у нас раньше называлось общественно-политическими, или гуманитарными науками. Здесь весь вопрос в приоритетах - политическое решение первично, либо политическое решение основывается на неких объективных закономерностях. Я глубоко убежден, что в общественных, или гуманитарных, науках действуют ровно такие же, может быть, более сложные или более простые - это зависит от точки зрения - но такие же объективные закономерности, как и в естественных науках. И вопрос в том, чтобы строить политику на основе познания и использования этих объективных закономерностей, чего не было довольно длительный период в истории нашего государства. Я не хочу сейчас утверждать, сколько - 70, 80 лет, но всегда было наоборот: генеральный секретарь выходил на трибуну, и целая армия

политологов, экономистов и философов бросалась писать теории, подтверждающие очередное откровение. Вот если этого не будет, то я вообще тогда не вижу предмета разговора и предмета боязни. Если наша политика будет строить свои политические, действия на основе науки, если первичны будут научные разработки, то все будет в порядке.

А.В. Дмитриев: Хочу сказать, что гуманитарии Академии наук участвуют в практической политике прямым образом. Известный ученый Института государства и права Туманов недавно стал председателем Конституционного суда, академик Примаков возглавляет определенное ведомство. Что касается ученых-естественников, то, видимо, они менее активны, и я их понимаю

В.И. Гольданский: Несколько слов. Говорилось о лобби научно-техническом. Я не хотел бы этот термин употреблять, скорее, мне кажется, есть определенные круги людей, которые специализируются на поношении науки, ученых. Они плодят недоверие к науке и недоверие к ученым. В значительной степени благодаря этому престиж науки и ученых в нашей стране уменьшился существенно по сравнению с тем, что было когда-то.

Ведущая: Спасибо. Надеюсь, что сегодняшняя передача "Контакты" послужит на пользу российской науки.

Материал подготовила З.И. Пейкова